

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 15-21.05.2009

Номер выпуска: 131-133

Заглавие: Прости всех...

Автор: Е. Секачева

Во время Международного театрального фестиваля «На родине» Чехова таганрожцы увидят несколько спектаклей, поставленных по произведениям нашего земляка. В том числе и «Прости меня, мой ангел белоснежный» - сценическую версию Анатолия Иванова по ранним вариантам чеховской пьесы «Без названия». Спектакль - неоднозначный, вызывающий среди зрителей и литературоведов разные мнения. Одно из них мы представляем сегодня вашему вниманию

На сцене Таганрогского драматического театра каждый сезон играют Чехова, что вполне закономерно: и «география» обязывает иметь в репертуаре такой материал, и традиции - на этой сцене всегда с успехом шли чеховские спектакли. Но 182-й преддубилейный сезон порадовал нас премьерой особого рода - театр обратился к произведению, написанному в Таганроге восемнадцатилетним, тогда еще никому не известным гимназистом-Антоном Чеховым.

Поскольку титульный лист чеховской рукописи был утерян, обозначился довольно широкий диапазон заглавий произведения: «Пьеса без названия», «Безотцовщина», «Платонов», «Этот безумец Платонов», «Дикий мед» и другие. Режиссер Анатолий Иванов предлагает довольно смелое решение: в его названии используется первая строчка шуточного стихотворения, приписываемого А.П. Чехову, а музыкальным лейтмотивом спектакля становится романс - компиляция двух текстов: «Прости меня, мой ангел белоснежный...» и «Последнее прости» (автор музыки и исполнитель - Ю. Локтионов). Известно, что фрагменты данных стихотворений были введены А.П. Чеховым в рассказ «О, женщины, женщины!...» как пример бездарного сочинительства, выдержанного в манере, пародирующей псевдоромантический стиль. Столь неожиданное появление «текста в тексте» сразу «раздваивает» восприятие увиденного на сцене: «Прости меня, мой ангел белоснежный...» - спектакль-пародия о жизни, похожей на плохой романс, и одновременно спектакль-романс о трагедии несостоявшейся любви, боли несбывшихся надежд, тоске утраченных иллюзий.

Особенностью предложенной нам версии является ее эстетическая многослойность: режиссер ставит раннего Чехова в художественной манере Чехова позднего. Наслаивая на авторский материал собственный образный слой, Иванов как бы «напыляет» на чеховский «исходник» тонкую пленку потенциально возможных для зрелого драматурга эстетических смыслов. Это позволяет уже в первом действии создать не просто «эффект предварения» будущих событий, но даже эффект их проигранности и исчерпанности. Все, что произойдет с героями пьесы во втором действии, уже случилось с ними в первом. Генеральша уже проиграла свою партию и теперь останется не только без десяти рублей, но и без имения. Глагольев-младший уже пронзил сердце отца тростью-шпагой, и обманутый собственным сыном романтик отправится прожигать свою жизнь в Париж. Платонов уже преподнес другу свадебный подарок - накрытую черной материей большую плетеную клетку с молчаливой птицей. Пройдет совсем немного времени, и черная завеса станет для дома Войницевых траурным покрывалом. Уже сделана «живая фотография», на которой замерли в ожидании вспышки и те, кому вскоре предстоит навсегда остаться «фотографией», и те, кого жизнь острыми ножницами так безжалостно «отрежет» друг от друга. И, наконец, уже появился револьвер для финального выстрела в возмутителя всеобщего спокойствия бунтаря Платонова.

Концепция сценической версии первой пьесы позволяет режиссеру выделить в раннем чеховском «многотемье» три ведущих мотива: «бездомье», «безотцовщина», «безвременье». Эту триаду со значением полного отсутствия в жизни героев настоящей любви, семьи, традиций рода, осмысленной полезной деятельности во имя общего блага - всего, что составляет

содержание и смысл человеческой жизни, - Иванов делает единым идейно-эстетическим центром спектакля. Общей декорацией и для первого, и для второго действий становится символический «дом-скелет» - огромная, во всю сцену двухъярусная металлическая конструкция, с множеством входов, выходов, проходов. Дом пустой и темный, без потолка и стен, голубые фонарики спускаются прямо с неба, а может быть, это и есть само небо? Низкое, специально для чеховских героев привешенное: ведь «вертикали» - высоты небесной - они давно уже не замечают, и если и глядят ввысь, то только когда фейерверки запускают. «Горизонталь» дома уходит куда-то за сцену, где должны быть сад и лес. Этот общий для всех нежилой дом является и дворянской усадьбой Войницевых, и казенной квартирой Платонова. Отличаются дома друг от друга лишь деталями интерьера на первом плане и олицетворяют общее на всех «бездомье»: распавшиеся семейные связи, нарушенные родственные отношения, отсутствие любви и взаимопонимания между самыми близкими людьми.

Первое действие - многолюдное и многоголосое. После долгой зимы в предчувствии пира плоти и роскоши дружеского общения в имении генеральши Анны Петровны собирается практически весь «социум» России второй половины XIX века. Это помещики Глагольев (В. Егельский), Щербук (П. Бондаренко), Трилецкий (А. Черенков), Грекова (И. Савченко), купец Бугров (А. Семенов), кабатчик Венгерович (А. Топольсков), сельский лекарь Трилецкий (С. Герт) и сельский учитель Платонов (М. Кушников), здесь же конокрад Осип (О. Радченко) и другие. Контраст эпох и поколений намечается сразу - «отцы» не оставили «детям» идейного наследства, «дети», ни лечить, ни учить не умеющие, но много и охотно говорящие, откровенно не вписываются в новый формат жизни.

Центральное место в системе персонажей занимает Платонов. К нему, выразителю современной неопределенности, герою лучшего, еще не написанного романа, стягиваются все сюжетные линии, с ним связаны нитями сложных взаимоотношений практически все участники действия. Платонов в интерпретации Анатолия Иванова - человек на rendez-vous со своим временем, четырьмя женщинами и своей беспокойной совестью. М. Кушников играет своего героя таким, каким написал его восемнадцатилетний Чехов, с юношеским максимализмом обнаживший и заостривший в Платонове то, что составляет главный «нерв» этого образа: самое искреннее обличение зла, царящего в мире, и горькое осознание того, что сам он - частица этого общего зла. Стремление эту боль о себе и о мире чем-то приглушить - разноцветными ли винами, мечтами о жизни с новыми лицами и новыми декорациями, метаниями от одной женщины к другой, страстными обличениями пороков «отцов» и бездействия их никчемных «детей» - бесполезны. «Болит» в Платонове Платонов! Пристально всматривается он в себя, словно пытаясь отыскать в душе хоть что-то светлое и чистое. Подойдя к рампе, долго смотрит куда-то вверх, в ведомую лишь ему даль, словно стараясь разглядеть там хоть лучик надежды, хоть проблеск света. Но нет, и там, вверху, тоже темно и так же пусто... Нет в этом небе ангелов, а в душе одни бесы...

Спасти Платонова от самого себя пытаются любящие его женщины. «Земной» ангел Платонова - его жена Саша (С. Несветова). «Глупая» Саша живет по давно забытым всеми остальными «умными» героями пьесы законам: в церковь ходит, близких своих сердечно любит, скандалов и интриг боится, желая лишь одного - мира и добра. Актрисе удастся показать всю «сложность простоты» своей героини. Теплый, ровный свет Сашиной души лишь ярче оттеняет нравственные изъяны ее эмансипированных соперниц не чуждой «передовым идеям» Софьи Егоровны (Т. Шабалдас), посвятившей свою жизнь «служению науке» Грековой (И. Савченко) и Анны Петровны (Н. Башлыкова), порой вообще забывающей о том, что у Платонова есть жена.

Анна Петровна, умная, красивая, молодая, «как лето в июне», - наиболее близкий Платонову персонаж. Ей страстно жить хочется - любить, страдать, грешить. Каждой клеточкой своего не ангельского существа стремится она к Платонову, и не только для того, чтобы испить до дна терпкую чашу запретной любви и ощутить на губах пусть даже горький, но такой желанный вкус настоящей жизни, с яркими чувствами, сильными эмоциями. Генеральша видит в Платонове главное - то, чего не видят в нем другие, влюбленные в него жен-

щины: мятущуюся, искреннюю, страдающую душу. Ведь сама Анна Петровна тоже «лишняя» на несостоявшемся празднике собственной жизни: «Ну что я значу, для чего живу?». В конце концов эта «Александра Македонская» силой Платонова возьмет, как крепости берут, но так и не поймет, что для него она была «больше, чем любовь». Зато в самый свой черный час, склонившись над умирающим Платоновым, осознает, кем он для нее был: «Платонов! Жизнь моя!»

Кто придет за душой Платонова - ангелы или бесы? Что станет с мгновенно осиротевшими женщинами, так любившими своего героя? Как сложится судьба маленького Николки Платонова - «безотцовщины» уже во втором поколении? Режиссер оставляет эти вопросы для зрителя, возвращая его в финале к музыкальному лейтмотиву: «Прости меня, мой ангел белоснежный...». Для Чехова «ангел» - совершенное небесное существо, хранитель и защитник рода человеческого - всегда был средоточием доброты и чистоты, символом «идеального». Антон Павлович очень любил начинать свои письма обращением «Ангел мой!» и заканчивать пожеланиями: «Да хранят Вас ангелы небесные!». «Не следует унижать людей, - считал он <...> - Лучше сказать человеку «мой ангел», чем пустить ему «дурака», хотя человек более похож на дурака, чем на ангела».

И в этом контексте первая пьеса, так пронзительно сыгранная актерским ансамблем Таганрогского драматического театра, приобретает еще один, внетекстовый, но чисто чеховский смысл: даже самого несовершенного, самого неидеального человека надо жалеть и прощать. И звучит с затемненной сцены под шорох закрывающегося занавеса зауспокойной молитвой не только по Платонову - по всем слабым и грешным, заблудившимся в лабиринтах непонятного им мира - горький чеховский вздох: прости их всех, белоснежный ангел. Прости их всех...

Обращение к первой пьесе позволило театру с высоты уже сыгранных «Лешего», «Иванова», «Каштанки» обратиться к истокам творчества Чехова и с художественных позиций нового времени найти в пространстве ранних чеховских «смыслов» именно те, что созвучны душе человека XXI века. Вероятно, этим и объясняется успех спектакля, идущего уже полгода при полных залах.